

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

1

Москва
Санкт-Петербург
2013

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 1. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. — 21 с.

ISBN 978-5-98874-087-2

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» начинает выпуск нового электронного издания, на страницах которого предполагается размещение материалов, посвященных рассмотрению представляющихся значимыми вопросов историографии, археологии и методики исторических исследований.

Редактор *С. Н. Кустерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

С. Н. Кустерев

**ОБОЗРЕНИЕ 16 ВЫПУСКА
«ОЧЕРКОВ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ»**

В некоторых периодических и непериодических серийных изданиях существует добрая традиция предварять каждый очередной том обзорным Введением от имени редколлегии или главного редактора, которое призвано представить публикуемые материалы, отчасти раскрыв их содержание, иной раз указав на историографический контекст, в котором они оказываются с момента своего появления в свет, иногда даже выразив позицию редакторов в отношении работ, по их мнению спорных, но заслуживающих того, чтобы с ними ознакомить читателя на страницах именно данного издания. В «Очерках феодальной России» такого обыкновения не было, что, возможно, являлось одним из минусов. Теперь, когда «Очерки» вступают во второй период «индикта» своего существования, хотелось бы попытаться исправить положение, предварив появление нового, 16-го, выпуска предлагаемым обзором его содержания.¹

Том открывается статьей Ж. Л. Левшиной (С. 3–50), название которой — «„Болгаризированное“ письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и второе южнославянское влияние» — свидетельствует о рассмотрении относительно частного вопроса истории древнерусской книжности на фоне объемной проблемы взаимосвязи славянских литературно-книжных традиций. Насколько автору удалось провести соответствие собственного изложения заявленному заголовку, оставим судить читателю-специалисту, а со своей стороны обратим внимание на кажущиеся нам весьма существенными особенности работы.

Прежде всего, в статье Ж. Л. Левшиной собраны все сведения о работе писца Серапиона, которыми исследователи ныне располагают,

¹ Очерки феодальной России. Вып. 16. М.; СПб., 2013. 407 с.

и тому же книгописцу убедительно, с представлением иллюстративного материала, атрибутируются манускрипты, участие в создании коих доселе для него не подозревалось. В первую очередь, конечно же, речь идет о рукописи РНБ, ОЛДП F.215, подробное описание которой приводится в статье. Значительным успехом автора, на наш взгляд, является частичное восстановление первоначального состава манускрипта через определение фрагмента ИРЛИ, Собрание Перетца № 3 как изъятой части ОЛДП F.215. Теперь открылась возможность рассматривать последнюю в ее более полном виде, что серьезно расширяет основание для дальнейшего изучения как самой рукописи, так и многих иных сюжетов.

Атрибуция одного из почерков руке давно привлекавшего внимание исследователей писца Серапиона² вводит ОЛДП F.215 в круг других, вышедших из-под его пера рукописей, в том числе и явно ошибочно приписывавшейся к числу книг, принадлежавших основателю Кирилло-Белозерского монастыря Кириллу, РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря № XII. Обнаружение в Кир.-Бел. XII почерка Серапиона влечет за собой необходимость нового, обстоятельного исследования как процесса создания этой рукописи, так и истории ее бытования в XV столетии. Выявление же большого числа манускриптов, в написании которых принимал участие Серапион, выво-

² Вследствие того, что в сборнике поучений Исаака Сирина и аввы Дорофея с прибавлениями РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 175 на л. 420 об. читается запись «Преведено от гръчьска языка на русийскы на святой горе Афонстей в лето 6933 кир Иаковом доброписцем убогому Евсевию иноку», а на л. 470 того же сборника содержится помета писца «В лето 6939 индикта 9 месяца иуля 2 конца достиже книга святаго Исака Сурина въ обители Пречистыя Богоматере честнаго ея Рождества на Лисичей горке въ пределах Великаго Новагорода. Иеромонах Серапионъ Маза», А. Г. Бобров посчитал возможным писать о связи Лисицкого монастыря с Афоном в первой трети XV в. (*Бобров А. Г.* 1) Из истории книгописания Лисицкого Новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 14–16; 2) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 89; 3) Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993. С. 12). Для Г. И. Вздорнова Троиц. 175 является одним из аргументов в пользу предложенной им схемы взаимоотношений русских и афонских монастырей (*Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968. С. 173–183). Возражения см.: *Кистерева С. Н.* Русские книги Афона и Константинополя в Москве, Твери и Новгороде в конце XIV — первой трети XV в. // Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии. Вып. 1. М., 2001. С. 219–227.

дит его в ряд крупнейших фигур среди книгописцев, имена которых известны современному исследователю.

Завершая обзорение работы Ж. Л. Левшиной, хотелось бы обратить внимание на выражение «кодекс написан двумя писцами, манеры письма которых отличаются друг от друга» (С. 3), неясное, поскольку нигде далее не раскрывается, что имеется в виду, когда говорится о «манере». В связи с этим стоит обратиться к трудам другого известного исследователя русской книжности XV в. — М. А. Шибаева, который в одной из своих работ, говоря о РНБ, F.I.738, писал: «Рукопись выполнена несколькими манерами (их более 10), число которых, вероятно, равно числу писцов данного кодекса».³ М. А. Шибаев не потрудился объяснить читателю особенности примененного им термина, хотя это кажется безусловно необходимым, поскольку дальнейшие рассуждения того же автора способны ввести в недоумение.

Несколько далее, рассматривая отдельные части F.I.738, М. А. Шибаев пишет: «Так, на л. 164–164 об. почерк писца, которому мы атрибутируем 1-ю манеру, становится явно более убористым и имеет отличия от предыдущего и последующего листов».⁴ Разумеется, «почерк» обязательно отличается от «листов», однако оказывается, что он чем-то существенным отличается и от «манеры», ибо из сказанного автором следует, что «почерком» писец обладает и даже может изменять его по степени убористости, что, тем не менее, никак не сказывается на «манере».

Вопросы терминологии отнюдь не могут рассматриваться как второстепенные. Понятность словоупотребления пишущего — залог адекватного восприятия читающим, первейшее средство избежать взаимонепонимания и, в силу этого, беспредметных споров. По данной причине нам кажется, что, если бы М. А. Шибаев вместо замены терминов постарался бы их уточнить, допустим, предположив, что «почерк» это основная характеристика особенности письма, а «манера» — вариант, появление которого можно связывать, например, с какими-то условиями создания рукописи или даже с подражанием неким образцам, ясности в его изложении было бы много больше. Почерк выдает руку писца, манера позволяет судить об условиях его работы и степени творческого подхода к ее процессу. Почерк специфичен, манера может быть усвоена, заимствована.

Как бы то ни было, отмеченное использование без соответствующего пояснения термина «манера» в работе Ж. Л. Левшиной, не

³ Шибаев М. А. Кодикологические особенности рукописи // Гордиенко Э. А., Семьячко С. А., Шибаев М. А. Миниатюра и текст. К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F.I.738. СПб., 2011. С. 9.

⁴ Там же. С. 12.

имея характера принципиального недостатка и не влияя существенным образом на работу в целом, может ввести читателей в заблуждение, будто автор следует не лучшему, по нашему мнению, образцу М. А. Шibaева.

Следующая, помещенная в 16 выпуске статья — «Изборник 1073 г. и „Ефремовский сборник о латынях“» — принадлежит перу О. Л. Новиковой и посвящена, как и предыдущая, вопросам истории русской книжности XV в. (С. 51–152). Несколько лапидарное название не должно вводить читателя в заблуждение, будто в статье рассматривается лишь вопрос о взаимоотношении текстов Святославова Изборника и «Ефремовского сборника». На самом деле, в работе на основе почти исчерпывающего изучения историографии и скрупулезного исследования рукописи РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря № 75/1152 воссоздается история использования книжниками эпохи Василия II и Ивана III текста одной из древнейших русских книг, постепенного присоединения к нему иных по характеру и тематике произведений и придания в итоге того вида, который названный манускрипт имеет теперь. Выделяя отдельные части в составе рукописи, рассматривая их возникновение как этапы работы над кодексом в целом, автор предлагает читателю увидеть историю появления сборника как отражение процесса многолетнего труда нескольких книгописцев, результат которого лишь в конце столетия оказался в руках известного изографа, инока Кирилло-Белозерского монастыря Ефрема, а затем, благодаря его стараниям, — в библиотеке этой монашеской обители. В статье О. Л. Новиковой этапы работы книжников представлены тесно связанными как с потребностями некоторых кругов в среде интеллектуалов того времени в обладании теми или иными литературными или каноническими текстами, возможно, с процессом создания новых произведений (следует обратить особое внимание на включение фрагментов, входящих и в состав Чудовской кормчей), так и с важнейшими событиями в истории христианского мира, в частности, с заключением унии между католиками и константинопольскими православными на Флорентийском соборе и обострением в связи с этим полемики по некоторым вопросам внутрицерковной жизни.

Естественно, что стремление рассматривать сложение рукописи как процесс исторический потребовало от автора обращения к изучению других кодексов, как тех, что были использованы книжниками для создания Кир.-Бел. 75/1152, так и тех, появление которых было связано с использованием этой последней. Может быть, именно такой подход можно рассматривать как одну из черт того, что называется «комплексностью». Следуя своему принципу, О. Л. Новикова обращает особое внимание и на такой знаменитый памятник древнерус-

ской книжности, каковым является рукопись МГАМИД 279, содержащая в своем составе тексты хронографа и «Летописца Переславля Суздальского», а это имеет важнейшее значение для исследователей русского историописания, поскольку вновь полученные результаты могут существеннейшим образом повлиять на их построения.

Вероятно, в еще большей степени это будет относиться к продолжению изучения рукописной традиции Изборника 1073 г., поскольку от привычных текстологических сопоставлений отдельных рукописей между собой теперь, как и показывает работа О. Л. Новиковой, необходимо обратиться к исследованию процесса заимствования текста из рукописи существующей в рукопись создаваемую. История текста превращается, тем самым, в историю книги, а объединение списков в группы должно подтверждаться возможностью восхождения одних рукописей к другим, как сохранившимся до нашего времени, так и утраченным или считающимся таковыми. Привнесение элементов географии при одновременном обращении к изучению там, где это возможно, биографий книгописцев должно превратить перечни редакций, изводов и вариантов в картину истории не столько текста, сколько людей, эти тексты создающих и воспроизводящих. В этом отношении работа О. Л. Новиковой представляется нам этапом на данном пути.

Особое внимание хочется обратить на тот раздел статьи, где описывается произведенная еще в XV в. реставрация Кир.-Бел. 75/1152, а изучение ее следов приводит к определению не только местонахождения рукописи в то время, но и с большей или меньшей степенью вероятности имени одного из ее владельцев, которым называется ростовский архиепископ, впоследствии московский митрополит Феодосий. Изучение внешнего вида манускриптов, их переплетов и т. п. вообще не является приоритетом в современных исследованиях, скорее, представляется отдельными эпизодами, а его результаты слабо учитываются коллегами по цеху. Что же касается древних реставраций, то на них внимание обращается еще реже, хотя и кажется весьма важным для описания использования рукописей. Видимо, в работе О. Л. Новиковой мы имеем пример исключения, еще и преподносящий неожиданный результат.

Выше было упомянуто, что автором рассматриваемой статьи предшествующая историография была учтена почти исчерпывающим образом. Это действительно так, и О. Л. Новикова сама указала ту не использованную ею работу, которая была опубликована за несколько лет до написания ею своего сочинения — статью О. В. Чумичевой. Выражая сожаления по этому поводу, автор предоставляет читателю судить, «насколько данное обстоятельство сказалось на качестве прочитанной им работы» (С. 146). Не имея возможности высказать такое

суждение, заметим, что ни для кого не составляет секрета сложившаяся в условиях количественного роста выпуска научной литературы поистине бедственная ситуация с ее библиографическим учетом. Это обстоятельство, кажется, иной раз может оправдать автора, не располагающего возможностями ознакомиться с какой-либо ранее напечатанной работой (и засвидетельствовать это знакомство при публикации собственной) в силу элементарной неосведомленности о ее существовании. Случается, что, даже зная о какой-то статье, исследователь не в состоянии получить к ней доступ и вынужден извиняться за то, в чем он, по большому счету, не очень-то и виноват. Однако современные технические средства позволяют распространять напечатанные работы не только в виде экземпляров сборников, в которые они включены, но и как копии, изготовление коих не требует ни большого труда, ни значительных временных затрат. Всякий специалист имеет достаточное представление о круге коллег, которым его работа может быть полезна и интересна, и имеет возможности предоставить в их распоряжение опубликованные уже результаты собственных изысканий. И тем не менее, это наблюдается редко, будто авторы иной раз печатают свои труды вовсе не для того, чтобы их читали, а с какими-то иными целями. Создается впечатление, что на место взаимопомощи, взаимодействия приходит интрига. Были бы рады ошибиться! А наказан читатель, вынужденный сравнивать публикации разных авторов.

Обозрение двух открывающих 16 выпуск статей не хотелось бы завершать на столь печальной ноте, почему обратим внимание на одну черту, которая объединяет столь мало связанные, на первый взгляд, работы. Обе они снабжены обильным иллюстративным материалом, воспроизводящим и водяные знаки на бумаге исследуемых рукописей, и образцы встречающихся в этих рукописях почерков, что позволяет читателю, занимающемуся изучением иных сюжетов, иметь перед глазами необходимый и иногда труднодоступный для него материал. Любое описание почерка не может заменить его изображения, а отдельные изображения постепенно могут сложиться в целые альбомы почерков, воплотив мечту многих исследователей-рукописников.

Материалы отдельных авторов внутри выпусков «Очерков феодальной России» располагаются в соответствии с хронологией рассматриваемых в них сюжетов, отчего следующая статья в 16 выпуске тематически весьма далека от предыдущих двух. Работа А. А. Фролова «Волости Буйцы и Лопастницы: опыт соотнесения топонимов обыскной книги 1562 г. со сведениями письма 1495–1496 гг. и проблема „домосковского“ земельного кадастра» (С. 153–201), в определенной мере продолжая изыскания автора в области исторической географии

Новгородской земли,⁵ является одновременно и попыткой рассмотрения некоторых вопросов истории землевладения и налогообложения в исторической ретроспективе. Пристальное внимание к описанию волостей Буйцы и Лопастницы обусловлено в представлении автора необходимостью выработки специфической методики обработки наличных материалов для реконструкции топонимики и соотнесения отдельных именованных населенных пунктов, встречающихся в разновременных источниках. Ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, что на протяжении относительно длительного времени поселения, образывавшие волости, относились к различным административным единицам.

Не вдаваясь в подробности произведенного А. А. Фроловым анализа конкретных данных по волостям Буйцы и Лопастницы, дабы не пересказывать значительную часть основного содержания его работы, уделим внимание некоторым наблюдениям автора, касающимся системы определения тяглоспособности населения этого региона. Акцентируя внимание на существовавшей практике внутриволостного распределения налогового бремени, А. А. Фролов обращается к интерпретации летописной записи о переговорах Ивана III с новгородцами в 1478 г. и относительно земель подлежащих конфискации в пользу великого князя отмечает: «Изготовление по указу великого князя финансовой документации, сообщающей точные сведения о тяглоспособности всех владений владыки и монастырей в Новгородской земле заняло всего лишь один день. При этом на основании предоставленных списков великому князю удалось тут же определить подлежащие конфискации земли. Все это указывает на лапидарность документации, отражавшей данные о тяглоспособности новгородских земель» (С. 192). Цитируя несколько далее речи новгородцев по летописному тексту («пожаловал бы государь на новгородскую душу, а скажут всех, колко у кого сох будет, да сами, събрав дань, отдадут по крестному целованию без хитрости тому, кому князи великие прикажут отдати в Новегороде»⁶), А. А. Фролов пишет, что

⁵ См., например, недавнюю публикацию, относящуюся к тому же региону: *Фролов А. А. Историко-географическое своеобразие новгородских волостей Буйцы и Лопастницы в XV–XVII веках // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 84–88.*

Напомним, что автором (в соавторстве) был подготовлен уникальный для отечественной историографии атлас: *Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т. 1–3. М.; СПб., 2008.* См. также интересную работу: *Фролов А. А. «Книга записи Софийской пошрины» и проблема происхождения Новгородских пятин // Приходная книга новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи Софийской пошрины»). М.; СПб., 2011. С. 207–212.*

⁶ ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 320.

самостоятельная подача сведений о размере тягла новгородскими землевладельцами представлялась для новгородских властей естественной и «именно такой механизм сбора дани был нормой для новгородцев». Опираясь на это свое наблюдение, исследователь далее формулирует важнейший вывод: «Таким образом, институты Новгородского государства не нуждались в сведениях о каждой отдельной деревне, именах крестьян, количестве посевов и покосов. Все это заслоняла от них фигура землевладельца-иммуниста, для которого данная информация, напротив, имела жизненно важное значение. Предметом его забот были конкретные земельные участки, на которых сидели конкретные земледельцы. ... Именно вотчинная документация должна была хранить те данные, которые составляли основной объем „старых книг“, использованных в качестве приправочных при изготовлении известных нам писцовых книг рубежа XV–XVI вв., в том числе и названия селений. Ведь если великий князь новгородцев „пожаловал“ и согласился не посылать на их земли своих писцов, значит, в соответствии с достигнутой в январе 1478 г. договоренностью, новгородцы предоставили ему свои собственные данные. Уже то, что московское правительство приняло эти данные как достоверные, указывает на наличие какого-то простого и понятного механизма, который не позволял новгородцам произвольно занижать число своих беж. Думаю, что таким механизмом была жесткая зависимость их собственных доходов от бежного оклада» (С. 193–194).

Высказанные положения представляются весьма важными, почему на них и следует остановиться особо. Разумеется, дальнейшие исследования (и прежде всего, будем надеяться, самого А. А. Фролова) должны показать, насколько сказанное отвечает новгородским реальностям «домосковского» периода. Однако некоторые моменты можно отметить уже теперь.

Безусловно, следует согласиться с А. А. Фроловым в том, что новгородское правительство в 70-х годах XV в. располагало комплексом материалов, позволяющих ему подготовить необходимую справку для Ивана III в крайне ограниченные сроки, а для этого сами документы действительно не должны были бы отличаться ни объемом, ни сложностью структуры. Скорее всего, это были некоего рода перечни, все содержание которых сводилось к обозначению волости, числа тяглых единиц и размера подлежащего уплате налога. Однако это вовсе не означает отсутствия у новгородской администрации иных материалов, более подробно характеризующих состояние отдельных хозяйственно-административных единиц. Сам описываемый А. А. Фроловым процесс наделения крестьянина землей подразумевает изменения в численном составе населения отдельных волостей, увеличение или уменьшение налоговой нагрузки на отдельные хо-

зайства, наконец, необходимость эпизодического пересмотра объема налоговых выплат с волости в целом. Должны ли были власти всякий раз полагаться на добросовестность показаний землевладельцев о состоянии хозяйственных комплексов, остается под вопросом. Думается, А. А. Фролов несколько смешивает сбор налога и определение его размера. Первое вполне могло осуществляться землевладельцами, но поручать им же второе было бы крайне неосторожным.

По мнению исследователя, в пользу его суждения говорит текст грамоты сиротам Терпилова погоста. Однако содержание этого документа, на наш взгляд, свидетельствует об обратном. В тексте грамоты, как он представлен публикатором, значится: «Господину посаднику новгородскому Василью Микитину, тысяцкому новгородскому Овраму Степановичю и всему господину Великому Новгороду, на вѣце на Ярославле дворе. Се били челомъ Степан Есиповичъ и его братья, Андреянъ Олександровичъ и Ермола Левонтиевичъ и Остафей Василичевичъ: что они емлють у наших сиротъ на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине. И посадникъ и тысяцкой и весь господине Великой Новгородъ даша грамоту жаловалную, на вѣце на Ярославле дворе, сиротам Терпилова погоста: давати имъ поралье посадницы и тысяцкого по старымъ грамотамъ, по сороку белъ, да по чѣтыре сева муки, по десяти хлебовъ».⁷

В этом обличии начало документа должно расцениваться как обращение неизвестного адресанта к посаднику, тысяцкому и всему Новгороду, которые извещались о совершившемся событии. При этом личность пишущего неопределима, а событие — плод деятельности все тех же новгородских властей, то есть посадника, тысяцкого и веча. Кроме того, остается неясным, к кому обращали свои жалобы Авраам Степанович и прочие, и кто скрывается за местоимением «они», нарушающий должный порядок сбора поралья. Может даже сложиться впечатление, что именно челобитчики этим и занимались, что выглядело бы полным абсурдом. Совершенно очевидно, что начало текста следует читать несколько иным образом: «Господину посаднику новгородскому Василью Микитину, тысяцкому новгородскому Овраму Степановичю и всему господину Великому Новгороду на вѣце на Ярославле дворе се били челомъ Степан Есиповичъ и его братья,

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 146. № 89. Предложенная И. М. Людиным, основывающаяся на совпадении имен посадника и тысяцкого, датировка акта «около 1423 г.» (*Людин И. М.* Грамота о сиротах Терпилова погоста как источник по истории московско-новгородских отношений XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 5. М., 1956. С. 286) уточнена В. Л. Яниным, относящим документ к августу 1422 г. — февралю 1423 г. (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 305).

Андреянъ Олександровичъ и Ермола Левонтиевичъ и Остафей Василевичъ: что они емлють у наших сиротъ на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине». В таком случае оказывается, что Авраам Степанович с товарищами жаловались городскому вечу на несправедливость, проявленную властями Новгорода в деле налоговых сборов с их владений в Терпилове погосте, что вече обращение рассмотрело и вынесло вердикт, согласно которому справедливость восстанавливалась. При этом следует обратить внимание на тот факт, что жалобщики не утверждают, будто поралье требуют с них, они прямо говорят, что поралье взимается с сирот.

Весьма интересно учесть прочтение документа, предложенное в свое время И. М. Людиным, посчитавшим, что в тексте, как он представлен в публикации 1949 г., наблюдается отклонение от формуляра, поскольку субъектом пожалования, осуществившемся по челобитью перечисленных в акте лиц, оказались не челобитчики-бояре, что выглядело бы, по мнению И. М. Людина, нормальным, а сироты, из-за чего «приходится предположить, что феодалы-вотчинники выступают в роли заступников интересов ими закрепощенных крестьян, ходатаев по их делам перед Новгородским вечем».⁸ Невозможность такой ситуации подвигла И. М. Людина предложить отличающийся от принятого способ расстановки знаков препинания. Отметив, что выражение «они емлют» грамоты «находится в прямой логической связи (смысловой и синтаксической) с выражением — „давати им“», исследователь привел собственный вариант чтения: «Се били челом Степан Есиповичъ и его братья, Андреян Олександровичъ и Ермола Левонтьевичъ и Остафей Васильевичъ, что они емлют у наших сирот на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине. И посадник и тысяцкой и весь господине Великой Новгород даша грамоту жаловалную, на веце на Ярославле дворе: сиротам Терпилова погоста давати им поралье посадницы и тысяцкого по старым грамотам, по сороку бел, да по четьре сева муки, по десяти хлебов».⁹ Перенос двоеточия на три слова вперед по сравнению с привычным его расположением превращает документ в жалованную грамоту Степану Есиповичу и его братьям, а этих родственников — в получателей поралья с крестьян, сходно с суждениями А. А. Фролова.

Разумеется, отстаивание интересов крестьян челобитчиками выглядело бы странным, если бы при этом челобитчики не защищали и собственные интересы. Коль речь шла о платеже налогов в увеличенном размере, то сокращалась остающаяся у сирот доля валового

⁸ Людин И. М. Грамота о сиротах Терпилова погоста... С. 286–287.

⁹ Там же. С. 289.

продукта и неизбежно наносился ущерб интересам просителей, доходы которых зависели от объема этой доли. Ходатайство бояр перед новгородским вечем выглядит вполне естественным, ибо рост налогового бремени мог нарушить даже простое воспроизводство в крестьянских хозяйствах и привести к разорению производителей.

Предлагая же новое прочтение текста, И. М. Людин не заметил, что в его варианте челобитчики жаловались сами на себя, а чтобы избежать такого толкования, в выражениях «они емлют» и «давати им» местоимения должны относиться к разным действующим лицам, но такое подразумевает предложенное нами чтение начала текста документа, что исследователем не предполагалось. Следовательно, в жалобе Степана Есиповича с братьями даже в трактовке И. М. Людина выражение «они емлют» относится к внешним для вотчинников и их крестьян силам, тогда как в сочетании «давати им» местоимение подразумевает уже самих вотчинников. Примечательно, что перенос двоеточия, по И. М. Людину, не решает окончательно вопрос об отклонении формуляра, оставляя все-таки некоторую неясность о субъекте, получившем новую жалованную грамоту, поскольку не называет вотчинников-просителей по именам и не заменяет их имена местоимением множественного числа. Остается все та же возможность, что по челобитью жалованная грамота была дана не ходатаям, а самим сиротам. Однако дача грамоты сиротам, называемым челобитчиками «нашими», делает несколько странным включение в нее пункта, предполагающего сохранение всех владений за Степаном Есиповичем с братьями и даже их детьми в будущем. Странным тем более, что настоящие владельцы, потомки Савелия Григорьевича и его братьев, те же Степан Есипович с братьями,¹⁰ опять-таки не названы по именам, вместо которых читается обобщающее «им (тем владети)». Собственно, наличие пункта, утверждающего права владения за Степаном Есиповичем с его родственниками, и решает вопрос о субъектах пожалования, каковыми и оказываются челобитчики.

Одновременное принятие чтений И. М. Людина и нашего позволяет допустить, что Степан Есипович с родственниками жаловались на то, что, вопреки требованиям старых грамот, они собирались посторонними людьми, тогда как нормой было осуществление сборов самими вотчинниками: «Господину посаднику новгородцкому Василью Микитину, тысяцкому новгородцкому Овраму Степановичю и всему господину Великому Новгороду на веце на Ярославле дворе се били челомъ Степан Есиповичъ и его братья, Андреянъ Олександровичъ и Ермола Левонтиевичъ и Остафей Василичъ: что они

¹⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 305.

емлють у наших сиротъ на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине. И посадник и тысяцкой и весь господине Великой Новгород даша грамоту жаловалную, на вѣце на Ярославле дворе: сиротам Терпилова погоста давати им поралье посадницы и тысяцкого по старым грамотам, по сороку бел, да по четыре сева муки, по десяти хлебов». Однако в этом случае постановление веча выглядит неполным, поскольку не определяет судьбу собранного поралья после того, как оно окажется в руках челобитчиков-бояр. Явно не хватает дальнейшего предписания о передаче собранных доходов боярами новгородской администрации, а при его отсутствии приходится думать, что вотчины Степана Есиповича и его родственников заново получали утраченный податной иммунитет. При таком понимании текста возникает вопрос о причине, по которой сбор поралья не просто отменяется, а осуществляется теперь, как и некогда ранее, в пользу вотчинников. Проявляется неоправданная забота веча о доходах бояр. И наконец, если при наличии податного иммунитета новгородская администрация предписывает крестьянам отдавать поралье вотчинникам, то как обстояло дело, коль вотчина податным иммунитетом не пользовалась? Платили ли крестьяне представителям посадника и тысяцкого или передавали опять же вотчинникам, обязанным полученное отвозить в Новгород?

Предположим, что отмеченного умолчания о судьбе поралья после того, как составляющее его окажется в руках Степана Есиповича и братьев, недостаточно для того, чтобы утверждать предоставление иммунитета на их владения. В таком случае приходится думать, что распоряжение платить поралье вотчинникам возобновлялось новой грамотой в соответствии с предписаниями неких грамот старых. Значит, такое положение вещей существовало лишь вследствие получения специальных документов, при отсутствии которых порядок был каким-то иным. Нельзя утверждать, что все вотчинники Новгородской земли располагали грамотами, подобными упомянутым в рассматриваемом документе и самому этому документу. Скорее, дело объясняется отдаленностью Двины от метрополии. Нарушители же норм грамот, полученных Степаном Есиповичем и его братьями (видимо, множество этих персон обусловило множество документов), вряд ли могут рассматриваться в качестве злостных нарушителей обычной нормы. Они по какой-то причине просто не учитывали факта существования грамот, устанавливающих исключение из общего правила, вероятнее всего, из-за утраты грамотами юридической силы, что часто случалось при перемене владельца имения или смене администрации. Тем самым, те, на кого жаловались челобитчики, действовали в соответствии именно с общим правилом, не принимая во внимание исключительность ситуации.

Однако изменение порядка сбора поралья не влекло обязательно изменение норм определения размера этого вида налога. Вновь полученная грамота устанавливает (не обязательно заново!) объем платежей, причитающихся с сирот погоста, не полагаясь на инициативу вотчинников.

Следовательно, утверждать, опираясь на рассматриваемую грамоту, будто землевладельцы всегда сами собирали дань, не приходится. Размер же поралья, как оказывается, определен некими «старыми грамотами», создателями которых считать опять же землевладельцев нет никаких оснований. Куда вернее, что имеются ввиду документы официального происхождения, требования которых обязательны для всех, включая и администрацию Новгорода.

В связи с этим, следует повнимательнее присмотреться и к летописному тексту о переговорах Ивана III с новгородцами. В трактовке А. А. Фролова, каждый землевладелец самостоятельно должен был бы подать сведения о наличии в его владениях тяглых единиц, собрать и уплатить в Новгороде соответствующую сумму дани. Однако из текста летописи это, на наш взгляд, прямо не следует. Новгородцы предлагают государю положиться на верность сведений, которые они от лица Новгорода в целом, но не каждый от собственного, готовы представить, то есть неких документов (выражение «скажут» нельзя расценивать как указующее на устную форму), подозревать возможность составления которых только в будущем, после состоявшихся переговоров, вроде бы, не стоит. В дальнейшем они, то есть опять же Новгород в целом, соберут дань и удовлетворят притязания великого князя, не прибегая ни к каким уловкам, но в соответствии с условиями «крестного целования». Что же касается согласия Ивана III на предложение переговорщиков со стороны Новгорода, то для него в тот момент было куда важнее стать подлинным государем, не вызывая лишнего противодействия. Да и уплата с опорой на новгородские данные могла состояться немедленно, тогда как работа великокняжеских писцов оттягивала бы получение дани на неопределенный срок. И согласие с предложением новгородцев было временным, поскольку уже через несколько лет, после бурных событий 1479–1480 годов, Иван III все же произвел описание новгородских земель.¹¹

Высказанные здесь сомнения относительно отдельных положений в работе А. А. Фролова не только не способны хотя бы в самой малой мере принизить значение разысканий автора, связывающего топонимы

¹¹ О 1486/87 г. как времени первого описания Деревской пятины см.: Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 88–90.

мику с социальными процессами, но напротив, призваны обратить внимание ее благодарного читателя на некоторые спорные моменты, разрешение которых будет принадлежать в будущем, возможно, автору рассматриваемой статьи, а возможно — и самому этому читателю.

Строительству окраинных городов в конце XVI в. посвящена статья А. В. Фомина «Нерешенные вопросы истории „польских“ городов Московского государства: основание Валук и гибель Царева-Борисова» (С. 202–230). Работа написана с использованием большого круга источников, как документального, так и нарративного характера и, возможно, привлечет внимание интересующихся вопросом специалистов. Ясно только одно: получение верного ответа, не исключено, подтверждение справедливости мнения А. В. Фомина будет связано в дальнейшем с углубленным источниковедческим анализом всех известных материалов, среди которых даже такие объемные тексты как «Новый летописец».

Именно исследованию некоторых статей этого летописного свода эпохи начала царствования династии Романовых посвящена статья Я. Г. Солодкина «Из комментариев к заключительным статьям Нового летописца (О некоторых дискуссионных вопросах происхождения памятника)» (С. 273–301). Как это присуще работам автора вообще, статья написана с привлечением обширной историографии и носит заостренно полемический характер, что соответствует ее названию. При этом существенные уточнения в форме замечаний в адрес предшественников сделаны к работам многих авторов, но более всего их, что естественно, относится к специально посвященной Новому летописцу монографии В. Г. Вовиной-Лебедевой. При взгляде на данную статью Я. Г. Солодкина не изолированно, а в комплексе с другими его сочинениями, в том числе, помещенными на страницах «Очерков феодальной России»¹², иной раз складывается впечатление, что книга В. Г. Вовиной-Лебедевой играет роль некоего стимулирующего фактора для исследований Я. Г. Солодкина, что может подчеркивать значение монографии как завершающей определенный этап в изучении «Нового летописца». Использование в работах Я. Г. Солодкина многообразных и многочисленных источников, данные которых сопоставляются с известиями нарратива, видимо, характеризуют начало нового, надеемся, длительного и результативного

¹² Солодкин Я. Г. 1) О некоторых спорных вопросах происхождения Нового летописца // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 335–350; 2) К определению документальных источников Нового летописца // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 155–172; 3) Существовал ли летописец патриарха Гермогена? // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 198–210; 4) Об источниках некоторых статей Нового летописца старшей редакции // Очерки феодальной России. Вып. 14. С. 342–351.

периода в историографии памятника. Особенно хочется отметить, что источниковедческие наблюдения в рассматриваемой статье сочетаются с попыткой дать контуры личностей, принимавших участие в создании Нового летописца.

Биографические данные об одном из деятелей кружка «ревнителей древнего благочестия» собраны в статье А. В. Морохина «Протопоп Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде Конон Петров: материалы к биографии» (С. 316–322). Благодаря произведенным разысканиям в опубликованных и ожидающих своего часа источниках автору удается установить фамилию своего персонажа — Збруев, имена его родственников, как они записаны в синодике, отметить проявленный им интерес к напечатанному правовому кодексу — Соборному уложению.¹³ Краткий, что обусловлено состоянием источников, очерк сопровождается публикацией двух документов, дающих представление о некоторых сторонах деятельности протопопа. Особо ценно, что документы извлечены из недр провинциального архива.

Люди, принимающие участие в издании «Очерков феодальной России», вообще исповедуют принцип, согласно которому исследование желательно сопровождать публикацией материалов, явившихся его основанием, если таковые не были обнародованы раньше. По этой причине значительное место всегда отводится публикациям самых разнообразных источников, в том числе, и документов приказного делопроизводства. В 16 выпуске такие документы представлены в работе С. В. Зверева «Дело о краже у Ф. Исакова в Севске в 1685 г. золотых, ефимков, польских чехов и русских денег» (С. 323–348). Собственно, работа и представляет собой публикацию целого дела, снабженную его же авторским изложением с присовокуплением необходимых для многих пояснений о некоторых особенностях монетного обращения на юго-западе Русского государства во второй половине XVII в. Сам С. В. Зверев в заключительных словах статьи обращает внимание читателя, что дело может представлять интерес

¹³ В данном случае, правда, вызывает некоторое недоумение использование сведений, приведенных в литературе, без обращения к публикации источника — приходной книги Приказа книгопечатного дела. Полную публикацию и подробное источниковедческое исследование см.: Тимошина Л. А. Приходная книга Приказа книжного печатного дела 1649/50–1652/53 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 178–313. Отмеченный А. В. Морохиным факт приобретения Кононом экземпляра Соборного уложения: Там же. С. 221.

О социальном составе покупателей Соборного уложения см.: Тимошина Л. А. Реализация изданий тиражей Соборного уложения на рубеже 1640-х — 1650-х гг. // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. 2. С. 53–61.

для изучения использования некоторых типов иностранных монет на окраине страны, применения юридических норм в розыском процессе и даже коррупции в среде низших чинов — стрельцов и прочих. Разумеется, сам автор, в силу своих профессиональных интересов, остановился преимущественно на вопросе обращения монет, оставив место исследования других тем вакантным. Правда, и упоминаемые в деле монеты привлекли внимание С. В. Зверева в разной степени. Большой интерес с его стороны проявлен к серебряным номиналам, тогда как о золотых сказано много меньше. Можно даже подчеркнуть, что все сводится к указанию: «в 70-х годах XVII в. значение золота в русском денежном обращении несколько увеличилось. Нередко золотые монеты использовались русскими людьми, как средство накопления. Документы содержат сведения о выплатах из казны золотыми монетами, о вкладах в монастыри. Иностранцы также писали о „хождении“ золотых монет в России» (С. 328–329), завершающемуся ссылкой на автореферат диссертации И. В. Ширякова, специально посвященной обращению золота в России XVI–XVII вв. Однако, на наш взгляд, вопрос об использовании золотых монет в эти столетия в русском денежном обращении нельзя считать решенным. Изучение разнообразных источников показывает, что золотые монеты уже в XVI в. соответствовали многим функциям именно денег и имели достаточно широкое распространение среди населения и применение в торговых и прочих операциях, чтобы не считать это случайным, эпизодичным и т. п.¹⁴ Документы демонстрируют иной раз наличие у торговцев весьма крупных сумм в золоте, которое не лежало бесцельно в кубышках. Так, 15 апреля 1665 г. во время драки вологодского посадского человека Гаврилы Мартыновича Фетиева с греками возле двора Ильи Аврамьевича Безобразова на Ильинке в Москве у вологжанина, по его словам, были похищены 400 золотых червонных.¹⁵ Слова Фетиева не вызвали у приказных служителей удивления или каких-либо вопросов о происхождении денег, что указывает на золотые монеты как обычное явление того времени. По нашему мнению, к данным источников, и не только иноземных, о хождении золотых монет в России в XVII столетии следует относиться серьезно, проанализировать их возможно внимательнее, чтобы составить адекватное мнение о роли золота в русском денежном обращении «бунташного века».

¹⁴ См., хотя бы: *Кустерев С. Н.* Функции золотых монет в России во второй половине XVI — начале XVII в. // *Очерки феодальной России.* Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 137–154.

¹⁵ РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 1. № 2143. Л. 171. Подробнее см.: *Тимошина Л. А.* Греки и русские в Москве в 1665 г. // *Третьи Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева.* Материалы. М., 2005. С. 41–53.

Автор этих строк, пользуясь положением и следуя установившейся традиции, поместил в томе сразу два своих сочинения. Одно из них — «Структура гостинной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века» (С. 231–272) — вводит в оборот малоизвестную доселе жалованную грамоту царя Михаила Федоровича гостинной сотне 1 июня 1613 г., посвящено ранней истории гостинной сотни и стоит в ряду продолжающихся изысканий о служилом купечестве XVII в.¹⁶ Второе — «Нижегородский конфликт московских гостей в 1619 году» (С. 302–315) — имея некоторое отношение к теме служилого купечества, направлено на продолжение изучения нормативных актов таможенного управления в XV–XVII вв.¹⁷ Здесь не место, да и не пристало говорить о достоинствах или недостатках данных опусов, однако отметим, что все, относящееся к изучению торгового класса эпохи Московского царства, получает особую актуальность в связи с выходом в свет издания научного наследия известного исследователя, положившего немало труда на выяснение персонального состава купеческих корпораций, их социального облика и юридического положения в Русском государстве, Н. Б. Голиковой.¹⁸

¹⁶ См.: Кистерев С. Н. 1) К характеристике купеческих корпораций в конце XVI — первой половине XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 206–214; 2) Потребности национальной экономики в представлениях русского купечества начала XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 352–389.

¹⁷ См., например: Кистерев С. Н. 1) Документы о таможенном деле в Калуге и Перевицке в начале 20-х годов XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 121–156; 2) Таможенные правила в Белозерском крае в середине XVI — начале XVII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 195–205; 3) Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 211–233; 4) Таможенные правила на Белоозере в конце XV — середине XVI в. // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. 2. С. 48–53; 5) Особенности происхождения уставных таможенных грамот южнорусских городов в первой трети XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 78–82; 6) Таможенные правила в Ельце в 1620–1629 годах // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 310–341; 7) География уставных таможенных грамот и формирование единого экономического пространства в Европейской России первой трети XVII в. // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 284–286.

¹⁸ Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества XVI — первой четверти XVIII в. Из научного наследия. М.; СПб., 2012.

Том является задуманным, но, к сожалению, незавершенным автором продолжением ранее изданной книги: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998.

Перечисленными статьями не ограничивается содержание 16 выпуска «Очерков». Второй раздел тома, обычно отводимый под размещение рецензий, на сей раз занимает работа В. Г. Ченцовой «Иллюзии и реалии палеографии (2). Так что же нам делать?» (С. 349–402), продолжающая принимающую иногда чрезвычайно острый характер дискуссию, начавшуюся после выхода в свет книги Б. Л. Фонкича и рецензии на нее Л. А. Тимошиной.¹⁹ В. Г. Ченцова вступила в полемику с первым из названных авторов, поскольку ее труды несколько ранее подверглись с его стороны ожесточенной критике,²⁰ а в некоторых аспектах мнения В. Г. Ченцовой и Л. А. Тимошиной совпадают.

Со стороны может показаться, что дискуссия заняла неоправданно много места в печати вообще и на страницах «Очерков» в частности. Однако нужно помнить, что речь идет, по сути, о важнейших вопросах: о методических и даже методологических основаниях проводимых разными авторами исследований и о проблеме развития в России XVII в. системы образования.²¹ В отношении последней Б. Л. Фонкич отстаивает, как считает одна из исследовательниц, суждения, высказанные специалистами еще в XIX в.,²² тогда как его оппоненты,

¹⁹ Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009; Тимошина Л. А. «Греко-славянские школы» и русская жизнь XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 558–699; Фонкич Б. Л. О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века. Критические заметки. М., 2012. С. 115–178.

²⁰ Фонкич Б. Л. 1) О некоторых «новых открытиях» в истории греческо-русских связей XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 509–529; 2) О современных методах исследования... С. 11–93; Ченцова В. Г. Иллюзии и реалии палеографии. О разных подходах к изучению греческих грамот XVI–XVII вв. // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 370–433.

²¹ Важность полемики для самих ее участников подчеркивается, хотя бы, тем, что Б. Л. Фонкич выпустил свои критические заметки отдельной книгой и весьма поспешно, о чем свидетельствует название главы, посвященной критике построений Л. А. Тимошиной — «Советы постороннего». Использование заглавия статьи видного революционера для части собственного сочинения привело к тому, что автор сам себя назвал посторонним по отношению к рассматриваемой теме. Объяснить подобное иначе, чем излишней торопливостью в выпуске книги, трудно. Появление же уже нескольких ответов В. Г. Ченцовой на критику Б. Л. Фонкича говорит о том, что и для нее проходящее обсуждение является первостепенно важным.

Если верно, что в спорах рождается истина, то данный спор продемонстрирует читателю, помимо прочего, насколько далеко можно зайти в выражении собственного «я», отстаивая научную истину в своем собственном понимании.

²² Ссылаясь в том числе и на книгу Б. Л. Фонкича, О. Е. Кошелева пишет: «Советская и постсоветская литература по рассматриваемой проблематике не дала ничего концептуально нового...» (Кошелева О. Е. Феномены школы и ученичества в православной культуре: проблема изучения московских училищ XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII веке. СПб., 2011. С. 91).

о чем свидетельствуют их труды, настаивают на новом и более углубленном изучении документального материала как греческого, так и русского происхождения. Греческие документы В. Г. Ченцова исследует в своих многочисленных и интересных даже и для мало осведомленного в теме читателя работах, верность же своей методики, применяемой в таких изысканиях, она отстаивает, в том числе, и в публикуемой в 16 выпуске «Очерков» статье.

Завершая обзорение материалов очередного выпуска «Очерков феодальной России», заметим, что, приступая к нему, мы не ставили себе целью дать подробный разбор каждого представленного в нем сочинения. Было важно ознакомить с общим содержанием тома, дабы каждый мог решить для себя, насколько помещенные в нем материалы могут оказаться интересными и полезными именно ему. Лишь в отдельных случаях высказывая собственные замечания по поводу написанного в той или иной статье, мы старались обратить внимание на спорные, по меньшей мере, с нашей точки зрения, суждения, рассматривая саму эту спорность как повод для дальнейших исследований. Если задуманное выполнено, поставленная цель достигнута.

Научное издание

**ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»**

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

